

Глава 8. Перемены среди слуг и тоскливый ужин

С меня почти насильно вырвали обещание ужинать вместе, и настроение упало, кажется, ниже, чем когда-либо в жизни.

Если они только теперь решили изображать семейное времяпрепровождение, то, по-моему, уже слишком поздно, — хотя, возможно, и я вёл себя скверно.

Если они, пусть хотя бы на ничтожную долю, идут мне навстречу, то и мне, наверное, стоит приложить немного усилий навстречу им.

Однако я слишком ясно понимал, что разговора у нас не выйдет совершенно, и, скорее всего, меня ждало мучительно тяжёлое испытание.

Я без труда представил себе сцену, где никто не произносит ни слова и слышен лишь стук посуды, — и от одной этой мысли разболелась голова.

— Молодой господин Со, вот то, что вы просили.

— А, спасибо.

Наконец-то я привык не говорить на почтительном языке с теми, кто старше меня.

Поначалу всякий раз, едва я по ошибке переходил на вежливую речь, на меня смотрели так, будто перед ними подделка, — и я отчаянно старался от этой привычки избавиться.

Иногда даже простая благодарность вызывала у них удивление.

По местным меркам принимать услуги как должное — в порядке вещей.

Но меня коробило, когда я не выражал признательности за то, что для меня делали, так что в этом отношении, пока мне не сделают замечания, менять свои привычки я не собирался.

В главном корпусе и в отдельном слуги были разными.

Здесь, в отдельном корпусе, почти все прислуживали ещё с тех пор, когда моя мать была жива, — то ли из сочувствия, то ли по какой-то иной причине, но ухаживали за мной безукоризненно.

Так было и в те времена, когда я позволял себе любые капризы.

Можно сказать, именно поэтому рядом со мной не оказалось никого, кто мог бы меня остановить. Но с другой стороны, они до самого конца оставались на моей стороне — и это тоже правда.

А ближе всех ко мне всегда был мой личный дворецкий — Косака.

Ему сейчас, если не ошибаюсь, сорок лет, — значит, к началу игры будет сорок пять.

Он был мне лучшим отцом, чем родной отец, — человеком со спокойной, умиротворяющей аурой, и единственным, кроме матери, кому я мог открыть душу.

Косака принял меня и после того, как я переменялся. «Молодой господин Со тоже наконец повзрослел», — произнёс он с улыбкой, и от этой улыбки у меня мучительно сжалось сердце.

Если меня изгонят из семьи, всех людей в отдельном корпусе тоже уволят. Что с ними стало потом, в книге не описывалось, но вряд ли их ждала хорошая участь.

Я осознал, что из-за моих поступков неизбежно пострадает отнюдь не мало людей. Поэтому и решил — ради них я постараюсь продержаться ещё немного.

У Косаки я попросил собрать сведения о текущем положении целей захвата и главной героини. Пригодятся они или нет — уже другой вопрос, но мне хотелось хотя бы для очистки совести знать, чем они сейчас заняты.

Просьбу я передал всего неделю назад, и если он уже закончил собирать информацию обо всех указанных мною людях, — это свидетельствовало о его исключительных способностях.

Мне не терпелось прочесть всё немедленно, однако впереди был тот самый «весёлый-развесёлый» семейный ужин.

— Я прочту позже, положи так, чтобы не бросалось в глаза.

— Будет исполнено.

Идти не хотелось. Но если я не пойду, они сами явятся сюда.

Изначально ужин собирались устроить здесь, в отдельном корпусе, и я с величайшим трудом добился согласия на то, чтобы пойти туда самому. Если опоздаю, они с радостью воспользуются предлогом и перенесут место обратно в отдельный корпус.

— Косака, ты ведь пойдёшь со мной?

— Если молодой господин Со того желает.

Тогда, наверное, станет немного спокойнее. Пусть он будет просто стоять у меня за спиной, — одно его присутствие уже придаст мне сил.

Косака выглядел как-то подозрительно радостным, — может быть, ему просто доставляло удовольствие идти в главный корпус. Когда он готовил мне одежду, его движения были настолько проворными, словно ему не терпелось, — так что такое предположение имело под собой все основания.

— Пожалуй, пора идти.

С ощущением, почти неотличимым от того, когда в игре выпадает штрафное задание, мы направились в сторону главного корпуса.

Теперь мне примерно час предстояло провести, полностью опустошив разум.

Даже когда мы добрались до столовой, я так и не смог поднять себе настроение.

Хотя до назначенного времени было ещё далеко, все уже сидели за столом, и стоило мне войти, как взгляды собравшихся устремились на меня.

— Я рассчитывал прийти раньше назначенного срока. Или всё-таки опоздал?

Может, они прибегли к подлой уловке — нарочно сообщили мне неверное время? Чтобы потом с отвратительной придирчивостью отчитать меня?

Не желая позволять им поступать по-своему, я склонил голову в поклоне, и тут же отец поспешно замахал рукой.

— Нет, ты не опоздал. Это мы пришли слишком рано.

А я-то думал, он отпустит какую-нибудь колкость, — но, похоже, никто не собирался мне досаждать нарочно.

— Тогда хорошо.

Я обвёл взглядом комнату, отыскивая своё место, и вдруг заметил, что вариантов, как ни странно, было три.

Место рядом с отцом, восседавшим во главе прямоугольного стола, а также по соседству с

каждым из старших братьев, сидевших напротив друг друга по бокам от него.

Говоря начистоту, я не хотел садиться никуда. Нельзя ли мне занять дальний от всей троицы край стола, напротив отца?.. Скорее всего, нельзя.

Пока на мне были сосредоточены все взгляды и я ощущал странное давление, я выбрал место, которое в данной ситуации показалось мне наименее ужасным.

Взгляды, следившие за каждым моим движением, продолжали липнуть ко мне и после того, как я уселся.

— Что-то не так?

Не в силах больше выносить эту неловкость, я мельком взглянул на отца, чей взгляд ощущался особенно тяжёлым, и спросил.

— ...Почему ты сел именно туда?

Я выбрал место рядом со старшим братом.

Если спрашивать, почему, — причины, в общем-то, самые разные.

— Я подумал, что здесь смогу поужинать относительно спокойно.

Место рядом с отцом исключалось сразу: из-за малой ширины стола расстояние между нами оказалось бы совсем крошечным, и к тому же я попал бы под перекрёстный огонь взглядов обоих братьев.

Садиться рядом со вторым братом — тоже неизвестно чем чревато.

Тогда методом исключения оставалось место рядом со старшим братом — как наименее скверное.

Вряд ли он выкинет нечто из ряда вон, сидя прямо рядом со мной, к тому же за его крупной фигурой я мог укрыться от взгляда отца.

Вот и всё, — но почему-то я уловил, как настроение у отца и второго брата заметно упало, а у старшего брата, сидевшего рядом со мной, напротив, повысилось.